УДК 94:355.40 (569.4=411.16+470)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЕВРЕЙСКО–ПАЛЕСТИНСКОМ СООБЩЕСТВЕ (1920–е гг.)

Агапов Михаил Геннадьевич,
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор исторических наук,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: magapov74@gmail.com

Аннотация
В статье исследуется деятельность советских разведывательных служб по отношению к еврейско-палестинскому сообществу, анализируется роль разведки в обеспечении советской ближневосточной политики в 1920-е гг.

Ключевые понятия:
советская разведка,
Палестина, сионизм.

Период между двумя мировыми войнами был временем значительного роста числа разведывательных организаций и их роли в обеспечении обороноспособности, внешней политики и экономического развития мировых держав. Одним из полей соперничества разведок стран – победителей в Первой мировой войне (практически сразу же после ее окончания) стал Ближний Восток – регион, в котором после распада Османской империи столкнулись интересы Великобритании, Франции и США. На этом направлении уже с начала 1920-х гг. активно действовали подразделения советской военной, политической и экономической разведки [5; 6].

Во всех странах взаимодействие разведывательных, информационно-аналитических и научно-исследовательских структур было и остается столь тесным, что провести строгое разграничение между их компетенциями в разведывательном цикле (сбор, анализ информации и доведение обобщенных сведений до управленческих инстанций) зачастую крайне сложно. При изучении деятельности разведывательного сообщества молодого Советского государства эта трудность осознается в полной мере. В рассматриваемый период советская разведка только формировалась, а в условиях острой нехватки компетентных сотрудников, тем более на восточном направлении, нередко одни и те же люди являлись одновременно и разведчиками, и дипломатами, и торговыми агентами, и учеными.

Цель данной статьи состоит в изучении деятельности советской разведки в созданном после окончания Первой мировой войны в Палестине под эгидой Лиги Наций и Великобритании «еврейском национальном очаге».

Первоначально информация о ситуации в Палестине поступала по каналам советской разведки лишь эпизодически. Исходя из анализа доступных нам развед-донесений, можно предположить, что в ряде случаев их авторами являлись члены левосионистских рабочих организаций, выходцы из России, искренне считавшие, что «благодаря переселению еврейских рабочих в Палестину, последняя превращается в очаг гражданской войны, в базу коммунистического строительства» [10, Д. 15. Л. 6]. Так, секретный сотрудник Регистрационного отдела Реввоенсовета (РВС) 11-й Армии Кавказского фронта сообщал в ноябре 1920

г. из Палестины: «Рабочие сионистские организации «Гапоэль Гацдир» (Молодой рабочий), «Цеире Цион» (Младосионисты), «Ахдут Гаавода» (Единение труда) и «Поалей Цион» (Рабочие Сиона); преимущественно выходцы из России, и будучи революционно настроены <…> они хотели в содружестве с трудящейся частью арабов добиться своей автономии и создать убежище для трудящихся евреев» [11, Д. 9. Л. 85]. Вероятно, палестинский источник пытался не только проинформировать советские власти о ситуации на «земле обетованной», но и убедить их в том, что «Рабочие Сиона» являются противниками «буржуазной сионистской организации» и, наоборот, союзниками «мирового пролетариата». В это время образованная в Палестине Еврейская коммунистическая партия (с 1920 г. – Палестинская коммунистическая партия, ПКП) добивалась принятия в Коминтерн. Оценка положения в Палестине и речевые обороты секретного сотрудника Регистрационного отдела РВС выдают его как члена ЕКП или, по крайней мере, близкого ей человека.

Наиболее полный и обоснованный анализ ситуации в Палестине и вокруг нее был выполнен известным советским востоковедом, в 1920 г. главой информационного отдела военно-дипломатического полпредства РСФСР в Турции и Иране В.А. Гурко-Кряжиным. Отмечая крайнюю бедность Палестины природными ресурсами, он видел значение «земли обетованной», прежде всего, «в ее роли коммерческого посредника между Западом и прилегающими азиатскими и африканскими рынками». В подтверждение этого тезиса В.А. Гурко-Кряжин ссылался на функционирование «на крохотной территории Палестины» восьми банков, что, по его мнению, означало «стремление известных финансовых кругов захватить в свои руки коммерческую гегемонию» [4, с. 48].

Важнейшим средством развития палестинской экономики и включения страны в мировую хозяйственную систему В.А. Гурко-Кряжин считал сионистскую колонизацию Палестины, указывал на «огромное значение» сионистской колонизации для капитализации страны: «еврейская эмиграция привела в Палестину много купцов и банкиров, которые тотчас начали реализовывать здесь свои капиталы: один лишь ежегодный приток денег еврейству из-за границы достигает 10 миллионов франков» [4, с. 12].

Присутствие в Палестине еврейских поселенцев являлось, по мнению В.А. Гурко-Кряжина, едва ли не решающим фактором, обуславливающим исключительное значение Палестины для английского колониализма на Ближнем Востоке. Существование «смешанного палестинского государства, в котором евреи уравновешивали арабов», позволяло Великобритании с максимальной выгодой использовать принцип «разделяй и властвуй» по отношению ко всему арабскому Востоку: «Создавая широкий пояс арабских вассальных государств, Англия не может не разорвать его, хотя бы в одном месте, так как иначе этот пояс может оказаться слишком тугим, охватывающим слишком тесно ее вторую колониальную жемчужину – Египет. Единственным способом разрыва этого сплошного пояса и было образование смешанного палестинского государства, в котором евреи уравновешивали бы арабов, а Англия играла бы роль нейтрального и спасительного судьи-посредника» [4, с. 52].

Говоря о правовых основаниях «еврейского национального очага» в Палестине, Гурко-Кряжин ссылался на так называемую «Палестинскую конституцию». Последняя представляла собой Указ короля в совете (The Palestine Order in Council) 1922 г. По оценкам советского дипломата-востоковеда, «Палестинская конституция» носила «вообще крайне умеренный характер» [4, с. 44]. Признание британскими властями органов самоуправления «еврейского национального очага», среди которых выделялся «национальный комитет» (Ваад Леуми), и наделение «правительственными функциями» Исполнительного комитета Сионистской организации (точнее, специального органа Исполкома Сионистской Организации – Еврейского Агентства для Палестины) интерпретировались в Москве как сознательное укрепление англичанами позиций сионистов в Палестине.

В глазах руководства НКИД СССР еврейская Палестина являлась «буферным государством», созданным англичанами единственно с целью «застраховать себя на палестинском фронте путем поддержки сионизма». В 1924 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин фактически повторил мысль В.А. Гурко-Кряжина о значении еврейских колонистов Палестины для Великобритании: «Крушение сионизма в Палестине в конечном счете привело бы к тому, что арабские националисты Египта и Палес-

тины подали бы друг другу руку. Этот политический мост через Суэцкий канал мог поставить Англию в чрезвычайно затруднительное положение» [8, с. 39]. Вместе с тем НКИД воздерживался от таких демаршей по палестинскому вопросу, которые могли бы серьезно осложнить отношения СССР с Великобританией.

В поле внимания советской разведки входили и другие страны, проявлявшие интерес к Палестине. «В своем стремлении укрепиться на Средиземном море Италия все более наталкивается на Англию, – сообщалось в направленном в НКИД в декабре 1924 г. донесении берлинской резидентуры Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ. – В этой политике Италии не последнее место занимает Палестина. Для Италии Палестина имеет значение как страна иммиграции для избыточного населения и как рынок». В этой связи отмечались враждебность Ватикана по отношению к сионизму, инспирировавшаяся, по данным ИНО ОГПУ, «итальянским патриархом в Иерусалиме» Луиджи Балассина, и стремление «фашистского правительства» к налаживанию связей с арабским национальным движением [3, Д. 52402. Л. 5].

Первые шаги по созданию «аппарата для информационной работы» на Ближнем Востоке были предприняты органами советской разведки в начале 1920-х гг. Он был организован под прикрытием Константинопольского торгпредства Наркомвнешторга РСФСР. Однако результаты его работы, по крайней мере поначалу, были признаны неудовлетворительными. Интересны в этой связи доклад Г. и реакция на него. Г. сообщал: «В декабре 1920 г. прибыл в Константинополь по делам Наркомвнешторга РСФСР, хотя у меня были задания исключительно торговые, я все же, имея ввиду будущую политическую работу, подготовил великолепный аппарат для информационной работы в Константинополе, Анкаре, Египте и Палестине» [11, Д. 9. Л. 90]. Следует заметить, что Г. сам проявил инициативу по налаживанию сбора разведданных. Как известно, все разведслужбы относятся к подобным инициативам с большой долей подозрения. Возможно, это обстоятельство предопределило негативный характер оценки предоставленной Г. информации и проделанной им работы: «Доклад тов. Г., по моему мнению, не дает гарантий к действительному выполнению принимаемых им на себя обязательств. Доклад имеет, на мой взгляд, несколько рекламный характер. Источники Г. – сомнительны. Из представленного доклада не видно, чтобы автор его знал бы что-либо свыше сведений, обсуждаемых за кальяном и чашкой кофе в любой константинопольской кофейне, или что может быть прочтено в любой газете. Для такого доклада не требуется ни «крупных связей» в посольствах, ни «помощи» английских и американских официальных лиц» [11, Д. 9. Л. 95].

В 1922 г. в составе Секретно-оперативного управления ГПУ НКВД РСФСР был создан Восточный отдел, внутри которого, в свою очередь, были организованы три отделения: Первое – Кавказ и Ближний Восток; Второе – Средняя Азия и Средний Восток; Третье – Дальний Восток. Центром советской разведки на Ближнем Востоке была константинопольская резидентура. В 1920-е гг. она не осуществляла развед-деятельность против Турции, которую в Москве считали дружественной страной, но использовалась исключительно как база для работы в Сирии, Египте и Палестине [5, с. 56].

Интерес советской разведки к Палестине определялся следующими обстоятельствами. К 1925 г. на «Святой Земле» осело 5 000 «белоэмигрантов» [7, с. 78], вследствие чего Палестина стала считаться, наряду с Францией, Германией, Румынией и Турцией, одним из тех «белоэмигрантских центров», установление контроля над которыми рассматривалось в качестве важнейшей задачи по обеспечению безопасности СССР.

Тесные связи еврейско-палестинского сообщества с Россией превращали его в идеальный канал проникновения на Ближний Восток советских разведчиков-нелегалов. Активное внедрение агентов ИНО ОГПУ в еврейско-палестинскую общину началось с середины 1920-х гг. В декабре 1923 г. для создания ближневосточной резидентуры ИНО ОГПУ в Палестину были направлены Я.Г. Блюмкин (Симха-Янкель Гершевич) и Я.И. Серебрянский (Янкель Ицкович Бергман). Перед разведчиками-нелегалами руководством ОГПУ была поставлена задача «создать глубоко законспирированную агентурную сеть в регионе, и в первую очередь в боевом сионистском движении» для систематического сбора информации о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке. В течение года Блюмкину и Серебрянскому удалось привлечь к

сотрудничеству большую группу эмигрантов как из числа сионистских поселенцев, так и бывших белогвардейцев [13, с. 465]. С группой Блюмкина–Серебрянского поддерживал связь Леопольд Треппер, чья карьера разведчика также начиналась в Палестине.

Важным направлением работы ближневосточной резидентуры ИНО ОГПУ был сбор информации об экономическом развитии региона. Поскольку еврейская Палестина переживала в этот период бурный экономический рост, ей уделялось особое внимание. Сотрудники ИНО ОГПУ анализировали как общее состояние палестинского хозяйства, так и перспективы развития его отдельных отраслей. «Одна из самых важных импортных отраслей [Палестины] – строительная, – сообщал ИНО ОГПУ в НКИД СССР в ноябре 1922 г. – Правительство [Палестины] стремится улучшить существующие условия. Приступлено к ревизии пошлин и акциза, так что очистка от пошлины теперь может производиться быстрее» [3, Д. 52402. Л. 23]. Советская разведка отслеживала крупные капиталовложения в палестинскую экономику, наиболее интересные и многообещающие бизнес-проекты. Так, например, ИНО ОГПУ информировало НКИД СССР о визите в Месопотамию и Палестину в 1925 г. «известного текстильщика Гимбурга», который пришел к заключению, что «побережье Евфрата в Месопотамии и Иордана в Палестине способны доставлять хлопок <…> в таком количестве, которое покрыло бы больше половины потребностей в нем Англии» [3, Д. 52402. Л. 7]. Хотя производство хлопка в Палестине и не достигло прогнозируемых Гимбургом масштабов, оно позволило заложить основы текстильной промышленности.

Палестина была признана Москвой в качестве наиболее удобного плацдарма для проникновения советских товаров на Ближний Восток. В начале 1923 г. в Яффе было открыто Палестинское агентство Всероссийского кооперативного общества, более известное по аббревиатуре его англоязычного названия – All Russian Cooperative Society Limited – как Arcos Ltd или АРКОС. Основными партнерами Палестинского агентства АРКОСа (ПАА) были еврейские предприятия. В 1924 г. ПАА зарегистрировало свое представительство в Египте (Александрия). Однако оно так и «не было открыто за неполучением постоянной визы для представителя [ПАА], отдельные операции производились там путем поездок представителя [ПАА]». В 1925 г. ПАА открыло свое представительство в Сирии (Бейрут), но «просуществовав всего два месяца, т.е. не выйдя из стадии организации, [оно] было закрыто [французскими властями] в августе 1925 г.». Провал ПАА в Египте и Сирии объяснялся его руководством происками английских и французских мандатных администраций: «Допустив формально появление на своей территории советских организаций, власти в Палестине и Египте английские и в Сирии французские с самого начала проявили к ним ярко выраженное недоброжелательное отношение» [12, Д. 695. Л. 1].

Английские и французские власти подозревали ПАА в причастности к разведывательной деятельности. И хотя доказательств этого так и не было обнаружено, в 1925 г. французскими властями из Сирии был выслан находящийся там управляющий ПАА Э.С. Гольцман, а в 1926 г. английские власти провели обыск в ПАА. Несмотря на то что никаких компрометирующих материалов при этом обнаружено не было, из Палестины был выслан помощник управляющего ПАА Л.А. Глейзер, что привело в конечном итоге к прекращению деятельности ПАА [2, с. 185].

За время своей деятельности ПАА смогло не только наладить торгово-экономические связи между СССР и еврейской Палестиной, но и собрать разнообразную информацию о рынках стран Ближнего Востока. Еще одним каналом получения полезных сведений из Палестины было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Наиболее значимым и результативным, с точки зрения Москвы, направлением работы ВОКС было получение информации и даже производственных образцов от научно-исследовательских центров «еврейского национального очага» [2, с. 207].

Летом 1925 г., стремясь форсировать общественно-политическое развитие стран Востока, сталинское руководство выдвинул задачу образования там «единого национального фронта против империализма», а в странах «вроде Египта или Китая» – «революционного блока рабочих и мелкой буржуазии» в форме «единой партии». По замыслу Сталина, революционизирование Востока как основного тыла империализма должно было «дать реша-

ющий толчок к обострению революционного кризиса на Западе». Москва внимательно следила за развитием ситуации в Палестине. Эскалация арабо-еврейского конфликта на «Земле обетованной» рассматривалась высшим партийно-советским руководством как дополнительный фактор «революционизирования» Востока и, в еще большей степени – подрыва английского могущества.

По свидетельству начальника сектора по Среднему и Ближнему Востоку ИНО ОГПУ и резидента советской разведки в Турции в 1929–1930 гг. Г.С. Агабекова, бежавшего в 1930 г. во Францию, высшее партийно-советское руководство проявило исключительный интерес к палестинским событиям 1929 г. Масштабные арабо-еврейские столкновения, произошедшие тогда в Палестине, расценивались в Москве как начало «буржуазно-демократической революции в ленинском понимании этого термина» [9, Д. 78. Л. 1]. «В данный момент нас очень интересуют палестинские события, – говорил начальник ИНО ОГПУ М. Трилиссер Г.С. Агабекову. – Столкновения между евреями и арабами должны дать интересные для нас результаты, ибо английское правительство должно будет принять чью-либо сторону, благодаря чему будет иметься в наличии обиженная сторона, которую легко будет нам использовать против Англии. Палестина же важна как стратегический пункт, так как в случае столкновения с Англией дезорганизация морского движения через Красное море значительно поможет нам. Но в своей работе помните, что основная задача вашей работы должна заключаться в таком ее построении, чтобы аппарат мог действовать во время войны ... Это со временем облегчит проникновение в Индию» [1, с. 220].

Действительно, интерес Москвы к палестинским событиям был довольно высок. Передовицы «Правды», «Известий» и других центральных газет были заполнены в это время материалами, призванными показать, что арабское национальное восстание вот-вот приведет к «краху британского колониального империализма». Никогда прежде советская пресса не уделяла Палестине столь много внимания. Однако «революционный блок» в ходе «арабского восстания» так и не возник. Борьба за «обращение в коммунизм» арабских левых националистов не принесла ожидавшихся результатов [10, с. 95].

В конце 1920-х гг. активность советской разведки в Палестине заметно снизилась. Причинами этого было, во-первых, разочарование сталинского руководства в перспективах «революционного восстания» в Палестине и, как следствие, отзыв оттуда наиболее способных разведчиков; во-вторых, усиление контроля со стороны английских спецслужб за ПКП и близкими ей группами, служившими прикрытием для советских агентов, что практически парализовало их деятельность. Наконец, тогда как один из создателей советской ближневосточной резидентуры, Блюмкин, был расстрелян «за измену Советской власти» (а именно за поддержание связей с опальным Троцким), его приемник, Агабеков, бежал во Францию. В 1930-е гг. создать новую нелегальную сеть в Палестине советской разведке так и не удалось. Сбор разведывательной информации по Палестине осуществлялся в дальнейшем посредством агентурной сети Коминтерна и возможностей различных (связанных со спецслужбами) общественных организаций, таких как ВОКС.

В целом деятельность советской разведки в еврейской Палестине в 1920-е гг. вполне укладывалась в каноны разведывательной работы того времени. Советские агенты действовали под прикрытием дипломатических и торговых миссий, культурных учреждений. Особое международно-правовое и геополитическое положение «еврейского национального очага» в Палестине открывало для советской разведки широкие перспективы, но вместе с тем и значительно усложняло решение оперативных задач. Те из них, что касались внедрения в среду, сбора информации военно-стратегического, политического и экономического характера, советская разведка решала вполне успешно. Напротив, усилия советских агентов, направленные на революционизацию еврейско-палестинского сообщества, оказались тщетными. Широко распространенные в еврейской Палестине симпатии к СССР вовсе не означали готовность еврейских колонистов копировать советский опыт государственного строительства.

1. Агабеков Г.С. ЧК за работой. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1992. 270 с.

2. Агапов М.Г. Истоки советско-израильских отношений. «Еврейский национальный очаг» в

политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 324 с.

3. Архив внешней политики МИД РФ. Ф. 04. Оп. 31.

4. Гурко-Кряжин В.А. Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. Ч. 1. Сирия и Палестина, Киликия, Месопотамия и Египет. М.: Всероссийская научная ассоциация востоковедения, 1923. 150 с.

5. Густерин П.В. У истоков советской разведки на Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 3. С. 56–58.

6. Дектярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Эксмо, 2009. 736 с.

7. Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х гг. // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75–86.

8. Письмо Г.В. Чичерина агенту и генеральному консулу СССР в Хиджазе К.А. Хакимову 14 ноября 1924 г. // Вестник МИД СССР. 1990. № 21. С. 38–41.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 532. Оп. 2.

10. РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 2.

11. РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3.

12. Российский государственный архив экономики. Ф. 3270. Оп. 1.

13. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М.: Олма-пресс, 1998. 687 с.

1. Agabekov G.S. ChK za rabotoj. M.: Associacija «Kniga. Prosveshhenie. Miloserdie», 1992. 270 s. (Russian).

2. Agapov M.G. Istoki sovetsko-izrail'skih otnoshenij. «Evrejskij nacional'nyj ochag» v politike SSSR v 1920–1930-e gg. Tjumen': Vektor Buk, 2011. 324 s. (Russian).

3. Arhiv vneshnej politiki MID RF. F. 04. Op. 31 (Russian).

4. Gurko-Krjazhin V.A. Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie na Blizhnem Vostoke. Ch. 1. Sirija i Palestina, Kilikija, Mesopotamija i Egipet. M.: Vserossijskaja nauchnaja associacija vostokovedenija, 1923. 150 s. (Russian).

5. Gusterin P.V. U istokov sovetskoj razvedki na Vostoke // Azija i Afrika segodnja. 2012. № 3. S. 56–58 (Russian).

6. Dektjarev K., Kolpakidi A. Vneshnjaja razvedka SSSR. M.: Jeksmo, 2009. 736 s. (Russian).

7. Ippolitov S.S., Karpenko S.V., Pivovar E.I. Rossijskaja jemigracija v Konstantinopole v nachale 1920-h gg. // Otechestvennaja istorija. 1993. № 5. S.75–86 (Russian).

8. Pis'mo G.V. Chicherina agentu i general'nomu konsulu SSSR v Hidzhaze K.A. Hakimovu 14 nojabrja 1924 g. // Vestnik MID SSSR. 1990. № 21. S. 38–41 (Russian).

9. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 532. Op. 2.

10. RGASPI. F. 544. Op. 2 (Russian).

11. RGASPI. F. 544. Op. 3 (Russian).

12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki. F. 3270. Op. 1 (Russian).

13. Sudoplatov P.A. Specoperacii. Lubjanka i Kreml' 1930–1950 gg. M.: Olma-press, 1998. 687 s. (Russian).

UDC 94:355.40 (569.4=411.16+470)

ACTIVITY OF THE SOVIET SECRET SERVICE IN THE JEWISH PALESTINIAN COMMUNITY (THE 1920–s)

Agapov Mihail Gennadyevich,
The Institute of the North Exploration problems, Siberian department of the Russian Academy of Sciences, chief researcher, Doctor of History,
Tyumen, Russia.
E-mail: svkr1977@mail.ru

Annotation
The article is devoted to the Soviet secret service's activity towards the Jewish community of Palestine and the analysis of the Soviet secret service's role in the implementation of the Soviet Middle East policy in the 1920-s.

Key concepts:
soviet intelligence, Palestine, Zionism.